

МИКИТО ТИНЭН

ЗОЛОТИСТЫЙ
РЕТРИВЕР
У ИЗГОЛОВЬЯ
КРОВАТИ

Москва

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44
Т42

優しい死神の飼い方 YASASHII SHINIGAMI NO KAIKATA
知念 実希人 Mikito Chinen

Copyright © 2016 by Mikito Chinen
Russian translation rights arranged with KOBUNSHA CO., LTD through
Japan UNI Agency, Inc., Tokyo

Перевод с японского Людмилы Белановой
Иллюстрация на обложке BARSUK

Тинэн, Микито.

Т42 Золотистый ретривер у изголовья кровати / Микито
Тинэн ; [перевод с японского Л. А. Белановой]. —
Москва : Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-234819-8

«Мы не можем нормально работать. Что-то странное
происходит в жизни людей в этой стране и в этой эпохе», —
однажды сказал синигами своему Господину.

«Что ж... Вот и займешься этим», — ответил ему Господин.

Так начинается история золотистого ретривера Лео — синигами, который сослан на Землю, чтобы избавлять людей от сожалений. Ведь если кто-то на пороге смерти будет скован прошлым, его душа никогда не найдет приюта на небесах.

Мир людей полон загадок и опасностей, и избалованному синигами, привыкшему к беззаботному существованию, приходится непросто. К счастью, его находит очаровательная девушка Нахо. Она — медсестра скромного хосписа, каждый пациент которого хранит в сердце сожаления. И чем больше историй слушает Лео, тем яснее становится пугающая истина: все они, так не похожие друг на друга, связаны.
Но как?

УДК 821.521-312.4
ББК 84(5Япо)-44

© Беланова Л., перевод на русский
язык, 2026

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-234819-8

Пролог

Холодный ветер попеременно со снегом хлестал со всех сторон, пробирался напрямик под золотистую шерсть и постепенно лишал меня тепла. Чувство холода, неизвестное мне до сих пор, погружало в сонную негу. Но сейчас было не до неё. Босс почему-то дал мне летнюю шубу, и если я ничего не сделаю, то скоро замёрзну насмерть. Будет жаль, если моя земная жизнь закончится всего за три часа. Из-за ошибки начальника я не смогу исполнить волю Господина.

Ой, забыл представиться. Я пёс. Имени у меня пока нет.

Как-то странно это звучит. Позвольте перефразировать.

Я чересчур дотошный. Коллеги даже шутили, что я напоминаю человеческую свекровь. А я считаю, что только такая внимательность к мелочам позволит достойно служить нашему Господину.

Вернусь к рассказу о себе. Я благородный дух, которого три часа назад отправили на Землю в облике собаки. Господин дал мне прекрасное имя, которое, к моему большому сожалению, не сможет воспроизвести ни одно живое существо на этой планете. Лучше сказать, что у меня пока нет земного имени. Сейчас я выгляжу как крупный кобель с длинной золотистой шерстью. Кажется, таких называют золотистыми ретриверами. Это мой временный вид, всего лишь сосуд, ведь в качестве духа я невидим как для человеческого глаза, так и для приборов. Но нельзя сказать, что люди не знают о нашем существовании. Они в нём сомневаются, но при этом дают нам разные прозвища.

Нас называют... О чёрт, как же холодно, голова совсем не работает. Честно говоря, несмотря на всю дотошность, меня никогда не интересовало, как нас называют на Земле. Вспомнил! Синигами. Точно, в Японии нас называют «синигами», а ещё — «боги смерти». Нас часто изображают в виде скелета с косой, облачённого в чёрный балахон и пожинающего жизни. Ужасно грубо! Мы так не выглядим и уж точно не занимаемся такой дикостью.

Когда человек умирает, мы помогаем душе вырваться из плена тела, а затем показываем путь к Господину. Я был сборщиком душ и их проводником. Был...

Почему же меня, такого благородного духа, послали на Землю, да ещё и в облике собаки? Долгая история. Если вкратце — меня понизили. Как я уже говорил, все души мы направляем к Господину. Однако, если человек умирает, охваченный сожалением, его душа может остаться на Земле, став призраком.

Призраки — настоящая головная боль для синигами (хоть головы, как и других частей тела, у нас нет). Иногда случается так, что они ни в какую не соглашаются идти к Господину, как бы их ни уговаривали. И насильно привести их к нему мы тоже не можем. Если душа надолго остаётся на Земле без защиты телесной оболочки, она, подобно железу под воздействием морского воздуха, постепенно разрушается и в конце концов исчезает. Для синигами нет большего позора, чем исчезнувшие души, которые они не смогли доставить к Господину.

Считается, что чем больше у синигами исчезнувших душ, тем хуже он работает. И к сожалению, в последнее время таких душ у меня стало необычайно много. Причина отнюдь не в моих навыках, а в стране и эпохе, которыми я заведовал. К слову, у остальных синигами, кто работал в Японии XXI века, результаты от моих не сильно отличались.

— *Мы не можем нормально работать. Что-то странное происходит в жизнях людей в этой*

стране и в этой эпохе, — сообщил я боссу с помощью котодамы¹.

Босс слушал во все уши (напомню, ушей и других частей тела у нас нет). Я, заметив его желание разобраться, добавил:

— *Пока мы не начнём взаимодействовать с ними при жизни, результаты нам не улучшить.*

— *Что ж... Вот и займёшься этим.*

Слова босса меня обескуражили. Ведь люди не могут видеть нас, живущих в абсолютно другом измерении. Мы можем контактировать напрямую с душами, иногда общаемся с помощью котодамы или являемся во снах. Но такие методы вряд ли помогут: большинство земных жителей посчитает это всего лишь плодом воображения, а кто-то может и к психиатру обратиться.

Сначала я подумал, что босс шутит. Но он был серьёзным духом и никогда не шутил. Осознав это, я запаниковал.

— *Люди не смогут увидеть нас, пока не станут душой. Да и нельзя им знать о нашем существовании. Нет ни единого способа предстать перед живым человеком.*

¹ Котодама (дословно «душа слова») — японское философское понятие, означающее веру в то, что каждое произнесённое слово обладает духовной силой. В этой книге используется для обозначения языка, на котором общаются духовные сущности.

— Поместим тебя во временное тело. Тогда мы и себя не раскроем, и с людьми получится общаться.

Временное тело? Паника нарастала.

— А что делать с моей основной работой?

— За это не переживай. Ты отличный проводник, но есть и другие. Будем работать все вместе, чтобы решить проблему, которую ты обнаружил.

— Но... — Я хотел было начать спорить. Для такого благородного духа, как я, жить в мире жадных и уродливых людей было настоящим кошмаром.

— Подожди! — перебил меня босс и погрузился в молчание.

Я понял, что происходит, и тоже затих. Спустя несколько секунд он с большим почтением промолвил:

— Господин желает...

Я успокоился. Наверняка Господин хочет сказать, что негоже такому великолепному проводнику иметь дело с жалкими людишками. Но босс продолжил говорить, и все мои надежды улетучились.

— Господин желает посмотреть, что из этого получится. Идея отправить тебя на Землю кажется ему интересной.

Дальше сопротивляться смысла не было. Выступить против начальника я ещё мог, но вот

против Господина... Я существую только для того, чтобы исполнять его волю.

— *На всё воля Господина*, — почтительно ответил я, так, чтобы не было заметно моё отчаяние. В этот момент я не смел произнести ничего другого.

Пока я увлечённо рассказывал вам свою историю, заснеженный пейзаж вдруг начал трястись. Это что, землетрясение? Нет, точно не оно. Во время землетрясения мир не должен вертеться на триста шестьдесят градусов. По-моему, люди называют это «головокружением». Чувствую себя я действительно неважно. Кажется, будто все органы пляшут внутри меня. Как же называются эти отростки для ходьбы? Вроде бы «ноги». В них совсем не осталось сил, идти становилось сложнее. Измождённый, я рухнул на землю.

Хотелось забыть обо всём и просто закрыть глаза. Я пока не очень разбираюсь в земных телах, но, сдаётся, состояние моё критическое. Однажды я забирал душу с заснеженной вершины: этот человек без конца повторял, что засыпать ни в коем случае нельзя, иначе жизнь окончится. Перед глазами одна за другой проносились сцены, которые я успел увидеть на Земле за эти несколько часов. Это и есть «калейдоскоп жизни»? В моём не было смысла — познать удалось немного, лишь заиндевевшие деревья да занесённую снегом горную тропу. И вот по ошибке босса я оказался посреди

метели вдали от своей задачи, ещё и в летней шубе. И пока ум лихорадочно искал оправдание для Господина, моей головы коснулось что-то мягкое и тёплое.

— Что ты тут делаешь?

Голос доносился откуда-то сверху. Из последних сил я поднял голову и увидел молодую человеческую самку — если не ошибаюсь, правильно это называется «девушка». Слегка наклонившись, она погладила меня по голове.

На вид ей было чуть больше двадцати. Миниатюрное тельце утопало в объёмном пуховике. Нос — правильной формы, а глаза со слегка нависшим двойным веком казались удивительно большими на фоне крохотного личика. Такие девушки в мире людей считались красавицами, это я точно знал благодаря долгой работе проводником душ.

— *Я потерялся. Где здесь можно согреться?* — хотел сказать я на языке людей, но изо рта вырвался только невнятный стон.

Видимо, собаки не способны к человеческой речи. Какие-то способности синигами в моём нынешнем теле сохранились, при необходимости можно использовать котодаму. Если я обращусь напрямую к душе девушки, она, скорее всего, меня услышит. Но это раскроет мой секрет: я не совсем обычная собака. Мне только и оставалось, что бросить на неё грустный взгляд. Буду говорить глазами.

— Ты потерялся?

Уж не знаю, насколько точно она поняла меня, но девушка продолжила меня гладить. Её тёплая ладонь была настолько приятной, что я непроизвольно начал вилять хвостом. Откуда же взялась эта девушка? Вдруг я заметил, что из-под её пуховика торчит белый халат, похожий на те, что обычно носят работники медицинских учреждений.

— Тут рядом больница, где я работаю. Можешь встать?

Девушка указала куда-то в метель. Я прищурился и увидел огромную железную дверь. Она оказалась приоткрыта, и в щель виднелся сад, укрытый снегом. Вдалеке, почти растворяясь в разгулявшейся непогоде, стояло трёхэтажное здание в западном стиле. Взгляд скользнул к воротам, на которых висела табличка. «Больница Ока-но Уэ»¹.

Из пасти вылетело радостное урчание. Вот моё новое место работы! Меня не понизили, а просто перевели. Из последних сил я встал и направился за девушкой в сторону ворот.

— Ну слава богу, ты можешь идти! Кстати, меня зовут Нахо. Нахо Асахина. А тебя? — спросила она, продолжая поглаживать меня по спине, побелевшей от снега.

¹ Дословно: «Больница на холме».

Не подумав, я уж было хотел представиться именем, которое даровал мне Господин, но смог лишь громко гавкнуть. Ничего страшного, люди всё равно не способны воспроизвести имена синигами.

— Тогда я придумаю тебе имя, если ты не против. — Нахо нахмурилась и глубоко задумалась. — Как тебе «Лео»? У тебя причёска замечательная, прямо как у Ди Каприо.

Кто такой этот Ди Каприо?

— Лео. Как тебе? — Нахо трепала меня по голове, улыбаясь.

Лео... Звучит неплохо. Легкомысленность западного звучания немного раздражает, но в то же время в нём есть некая элегантность.

— У-у-о, — пробурчал я в знак одобрения.

— Нравится? Ну и здорово! Пойдём поскорее внутрь, согреем тебя.

Меня вновь поразила точность, с которой Нахо понимала меня.

Теперь, когда новая знакомая даровала мне земное имя, позвольте ещё раз представиться.

Я синигами в теле собаки. И зовут меня Лео.

ГЛАВА I

Синигами берётся за работу

Нахо поставила передо мной глубокую миску с чем-то, что она назвала кормом для собак. Наевшись до отвала, я облизнулся, наслаждаясь оставшимся на языке насыщенным вкусом говядины. Мне казалось, что в земном теле я буду испытывать только боль и другие неприятные ощущения, но сытость вызывала сладкую истому. Теперь мне, благородному духу, следует быть внимательным, чтобы не оказаться в плену удовольствий, как это случается с более примитивными существами — например, с людьми.

— Ты всё съел? Какой молодец! Хочешь вкусняшку? — обратилась Нахо ко мне, улыбаясь. У неё в руке было три коричневых комочка, которые очень аппетитно пахли.

Думаю, ничего страшного не случится, если парочка таких штук окажется в моём желудке. Я сел

и поднял лапу, подавая её Нахо. Против воли у меня потекли слюни.

— Какой ты умненький! — Девушка положила лакомство в миску.

Я тут же набросился на аппетитную мясную печенку. Нет, я не стал пленником еды, я просто веду себя как обычная земная собака, чтобы никто ничего не заподозрил.

— Вкусно было? — Нахо присела и заглянула мне в глаза.

— Гав! — радостно ответил я. Печенька была вполне неплохой. За три дня в больнице, где работала Нахо, я научился очень умело выражать эмоции в теле собаки.

Девушка потрепала меня по голове и начала прибираться. Она взяла миску и понесла её в глубь столовой, где стоял специальный столик для грязной посуды. Я наблюдал за удаляющимся хрупким силуэтом, облачённым в белый халат. Всё-таки она очень хороший человек. Несмотря на тяжёлую работу, она находит время ухаживать и за мной. А ещё ей удалось уговорить очень строгого главного врача оставить меня в больнице.

Если бы Нахо не смогла этого сделать и если бы ещё раньше не обнаружила меня, когда проверяла, заперты ли ворота в метель, то моя собачья жизнь уже бы закончилась. А мне пришлось бы судорожно придумывать отговорки для Господи-